

- ³² Spencer B., Gillen F. Op. cit. P. 222, 238—239.
- ³³ Ibid. P. 350—380.
- ³⁴ Goldfrank E. S. Socialisation, Personality and the Structure of the Pueblo Society (With Particular Reference to Hopi and Zuni)//American Anthropologist. 1945. Vol. 47. № 4. P. 528, 532.
- ³⁵ Абрамян Л. А. Первобытный праздник и мифология. Ереван, 1983. С. 71—72.
- ³⁶ Шаревская Б. И. Тайные и новые религии Тропической и Южной Африки. М., 1964. С. 131—132, 136—139, 146—147, 159—160, 211—212.
- ³⁷ Richards A. I. Chisungu. A Girls' Initiation Ceremony among the Bemba of Northern Rhodesia. L., 1956. P. 21.
- ³⁸ Ibid. P. 54—56, 58—60, 70—76, 79, 82—87, 107—110.
- ³⁹ Ibid. P. 101—103, 204.
- ⁴⁰ Ibid. P. 92—94, 87.
- ⁴¹ Ibid. P. 54.
- ⁴² Schlegel A., Barry H. Adolescent Initiation Ceremonies: Cross-Cultural Cods//Ethnology. 1979. Vol. 18. P. 199—210.
- ⁴³ Кон И. С. Ребенок и общество. М., 1988. С. 203—204.

Male and Female Age Initiations (A New Approach)

The article is devoted to the essence and specific features of the rite of initiation. The comparison of the male and female age initiations was made on the base of a general criteria of initiation rites, like introducing neophite into secluded corporation and artificial construction of the transition situation. According to these criteria any transition rite might be classified as age initiation or puberty rite.

M. V. Tendryakova

© 1992 г., ЭО, № 4

С. С. Крюкова

БРАЧНЫЕ ТРАДИЦИИ КРЕСТЬЯН ЮЖНОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Заключение брака — важнейшее звено в общей структуре брачно-семейных отношений. В традиционно-бытовой культуре русских крестьян брачному институту как первооснове семьи отводилась весьма существенная роль. Об этом свидетельствует целый комплекс норм, установок, обрядовых действий, сопровождавших процесс формирования семьи. Сложившиеся к середине XIX в. брачные традиции явились результатом длительного исторического взаимодействия обычно-правовых норм и государственного права. Соотношению обычая и норм писаного права в брачных традициях крестьян в условиях пореформенного развития деревни в южных губерниях России и посвящена статья.

Специальных исследований по этой проблеме раньше не проводилось. Вместе с тем вопрос о соотношении обычного и официального права в крестьянском общественном и семейном быту был поставлен еще в дореволюционной историографии¹. В первой половине XIX в. внимание историков-правоведов было сфокусировано на роли обычая на различных этапах кодификации отечественного гражданского права. Во второй половине XIX в. акцент сместился в сторону конкретно-исторического изучения обычно-правовых норм, действовавших в крестьянской общине и семье, что имело практическую значимость в связи с подготовкой и проведением реформы 1861 г. — требовалось учесть установленные крестьянской традицией правила. В трудах историков государственного

права излагались общегражданские нормы, кодифицированные к моменту их описания². Среди этих работ — исследование М. Ф. Владимирского-Буданова, показавшего процесс исторического формирования брачных норм с момента их возникновения до XIX в.

В трудах историков обычного права описывались нормы брачно-семейного права, имевшие силу действующего в крестьянской практике судэпроизводства закона³. Наиболее значительной работой, в которой рассматривалось крестьянское право во второй половине XIX в., стал двухтомный труд С. В. Пахмана. Однако в силу чрезвычайно широкого охвата проблемы собственно брачному институту в нем было уделено внимания довольно мало. К тому же автор опирался почти исключительно на опубликованные в 70-е годы XIX в. материалы решений волостных судов, что предопределило перевес в сторону рассмотрения имущественных взаимоотношений в крестьянской семье, являвшихся чаще всего предметом судебных разбирательств. Таким образом, брачные нормы в дореволюционной историографии изучались по преимуществу в контексте общих работ по обычному или государственному праву. Собственно истории русского брачного права посвящено исследование А. С. Павлова «50-я глава Кормчей книги как исторический и практический источник русского брачного права». Остановившись на действительности брачных норм права, зафиксированных в Кормчей книге, автор отмечал несоответствие «жизни и практики» «абстрактному предписанию закона»⁴. Отчасти предбрачные традиции крестьян затрагивались в ряде работ описательного характера, сохраняющих свое значение в качестве источника информации о местных обычаях⁵.

В советской историографии общие подходы к изучению обычно-правовых традиций русских крестьян в целом были намечены В. А. Александровым, обосновавшим необходимость сравнительного анализа государственных и обычно-правовых норм на различных этапах их функционирования⁶. Собственно брачные традиции русских крестьян во второй половине XIX в. не становились предметом отдельного исследования. Вместе с тем отдельные стороны брачного института затрагивались в ряде монографических исследований этнографов 1960—1980-х годов⁷. В разделах работ, посвященных брачно-семейным отношениям, рассматривались особенности предбрачных установок и соглашений, брачного возраста, способов знакомств, форм заключения брака и пр. в различных районах расселения русских. Помимо этнографических работ проблемы брака и семьи получили теоретическую разработку в работах социологов и демографов последних лет⁸.

Работа в архивах (Государственный музей этнографии народов СССР; Государственный архив Рязанской обл., Государственный архив Тамбовской обл.; научный архив Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника) дала возможность привлечь новые материалы, позволившие выявить местные особенности брачных традиций во второй половине XIX в., соотнести их с общими для всех русских крестьян обычно-правовыми нормами, а также с нормами законодательного права. Наиболее ценную информацию содержит фонд В. Н. Тенишева, ставший в последнее время широко известным благодаря своему объему и характеру содержащихся в нем сведений. В 90-х годах XIX в. на волне повышенного внимания к обычному праву крестьян составлялись различные анкеты для сбора материала, характеризующего местные обычаи крестьян⁹. Одной из них явилась программа этнографических сведений о крестьянах Центральной России В. Н. Тенишева. Программа насчитывала более 500 вопросов, охватывавших различные стороны крестьянского быта. Собранные в 1897—1900 гг. местными корреспондентами ответы на вопросы программы составили фонд «Этнографического бюро», хранящийся в Рукописном отделе ГМЭ.

Сведения корреспондентов, почерпнутые из непосредственных наблюдений над повседневной жизнью крестьян, позволяют реконструировать живую картину брачных и семейных взаимоотношений крестьян. Важную информацию о соотношении обычных и законодательных норм в крестьянском правотворчестве

содержат фонды волостных судов Государственного архива Рязанской обл., сохранившие записи решений волостных судов, касающихся брачно-семейных отношений. При определении возрастных характеристик вступающих в брак частично привлекались статистические материалы, полученные в результате обработки ревизских сказок. Наконец, при сравнении обычно-правовых и государственных норм источником послужили сами законы, определявшие брачно-семейное право¹⁰.

На основе перечисленного круга источников в настоящей работе предполагается остановиться на условиях вступления в брак, предбрачных соглашениях и установках, формах заключения и условиях прекращения брачного союза.

Заключение брака и образование семьи признавалось крестьянами «делом великим, данным от бога»¹¹. Неизбежность брачного союза, неразрывного на всю жизнь, нашла выражение в многочисленных пословицах: «суженного на коне не объедешь», «поп повенчал, сам архиерей не развенчает», «женитьба есть, а разженитьбы нет», «женился, навек заложился»¹². Осознание крестьянами меры ответственности за совершаемый брак отразилось в ряде пословиц предупредительного характера: «замуж выходи, да в оба гляди», «на горячем коне жениться не ездят», «жениться — не лапоть надеть». Вступление в брак и создание семьи считалось необходимым условием существования и функционирования крестьянского двора, т. е. было некоей абсолютной истиной в крестьянском мировоззрении. Вместе с тем крестьяне вполне конкретно излагали цели женитьбы или замужества. В частности, по сообщению из с. Маклаково Скопинского уезда Рязанской губ., при заключении брака предполагалось: «1) женить парня, тем самым привязать его к семье — к дому; 2) предупредить испорченность в нравственном отношении; 3) иметь в семье лишние и недостающие рабочие руки»¹³.

Весьма любопытным представляется порядок перечисления мотивов вступления в брак: в первую очередь подразумевалось брачными узами «привязать... к семье». Очевидно, здесь проявились особенности пореформенного развития русской черноземной деревни. Во второй половине XIX в. повсеместно возросла подвижность крестьянского населения, связанная с увеличением значения отхожих заработков¹⁴. Крестьяне рассматриваемых губерний не расположены были отпускать членов семьи на слишком дальние расстояния, стараясь найти им «должность в работники или на поденную... вблизи деревни». Если же не получалось найти работу поблизости, заставляли уходившего из деревни дать клятву, «что он будет жить честно и будет присылать денег домашним»¹⁵. Холостого перед тем, как отпустить, обязательно женили. Таким образом, брачный союз выполнял роль своеобразного механизма, обеспечивавшего замкнутость общины в пореформенный период.

С другой стороны, установка на целостность семьи благодаря брачным узам должна была обеспечить ее сохранность как основы нравственности и хозяйственного благополучия.

Традиционная ориентация на замкнутость семейно-общинного быта отражалась и на выборе невесты: женились главным образом на девушках из своего села. Если при наличии девушек брачного возраста в своем селе парень выбирал себе жену на стороне, то предполагалось, что жених или его родители имеют какие-то пороки¹⁶. Те же правила распространялись и на девушек: «выдавать на сторону замуж девицу... означало что-либо неладное»¹⁷.

При выборе невесты обращалось внимание на такие достоинства, как «двственность, дородность (красоту), здоровье и способность к работе»¹⁸. В женихе ценились зажиточность, трудолюбие, трезвость¹⁹. В представлениях о красоте у крестьян сложился вполне определенный стереотип внешности, характерный не только для южнорусских губерний, но и для всего русского крестьянства: «Большой рост, соответствующая ему полнота (пожалуй, несколько и больше), румянец во всю щеку, белизна кожи, полное лицо»²⁰. Перечисленные качества относились и к женской, и к мужской части населения. О таких обычно говорили: «есть

на что посмотреть», «кровь с молоком», «да большая, да толстая», «лицо румяное, с коробку», «король королем». У крестьян существовало и устойчивое представление о некрасивой внешности: «Да маленькая, да тоненькая, да москлявинькая, словно сморчок»²¹. Понятие о красоте было неразрывно связано с физической силой и здоровьем, обеспечивавшими работоспособность. Трудолюбие, ловкость определялись крестьянами в некоторых местностях даже по походке: «если идет тихо, идет не идет, как кислое молоко везет, то они называют ее растопчей, невыволокой; когда идет шибко, то это значит расторопная...»²².

Вместе с тем внешние данные при выборе невесты далеко не всегда играли главную роль. По многочисленным сообщениям, целомудрие ставилось выше физической красоты, потеря девственности считалась позором²³. Подобное требование не распространялось на молодых людей: менее половины парней оставалось целомудренными до брака²⁴.

Перечисленные предбрачные установки крестьян, хотя и не нашли отражения в нормах гражданского права, строго регулировались обычно-правовой традицией. Помимо этого в некоторых общинах сохранился своеобразный институт защиты чести девушки. В случаях клеветы на девушку устраивался так называемый публичный осмотр. Обществом избирались три женщины для осмотра оклеветанной. После осмотра девушки они объявляли результат на сходе²⁵.

Разбирательства подобного рода доходили порой до волостного суда, который, руководствуясь нормами обычного права, мог назначать клеветнику наказание в виде денежного взыскания²⁶.

К концу XIX в. стали наблюдаться новые подходы к выбору невесты и жениха, когда главным образом учитывалась хозяйственная состоятельность. В женихе все больше ценился размер его заработка, «пьянство, курение табаку и разгульный образ жизни в расчет не принимались»²⁷. Богатым приданым оказывалось возможным даже покрыть «позор» — нецеломудрие невесты. В с. Белоомут Зарайского уезда Рязанской губ. имел место такой случай. Богатый крестьянин Волков посватался к дочери крестьянина-сенопромышленника Сурина с условием о приданом в 3 тыс. руб. Однако после того, как ворота Сурина были вымазаны дегтем, жених заявил, что он только в том случае женится на невесте, если Сурин увеличит приданое до 10 тыс. руб. Окончилось дело тем, что Сурин согласился дать за дочь 6 тыс. руб.²⁸

Как государственное, так и обычное право выработали ряд общих условий вступления в брак, касающихся определенного возраста жениха и невесты, отсутствия родства и свойства между ними, согласия родителей и пр. Согласно государственному закону от 19 июля 1830 г., данному Синодом, брак допускался лишь по достижении совершеннолетия, которое определялось для девушек в 16 лет, для юношей в 18 лет²⁹. Крестьяне, однако, считали возможным заключать брак в более раннем возрасте. По сообщениям из Орловской губ., вполне взрослыми считались девушки, достигшие 15-летнего возраста, и 17-летние парни³⁰. В Скопинском уезде Рязанской губ. девушки вступали в брак от 15,5 до 20 лет, юношей женили с 18 лет³¹. По сведениям из Пронского уезда Рязанской губ., выдавали замуж так рано, что «приходилось ехать к архиерею за разрешением». Традиция заключения ранних браков у крестьян, очевидно, вызвала определенную уступку со стороны церкви: спархияльным архиереям в необходимых случаях разрешалось допускать браки по личному усмотрению, когда жениху или невесте не доставало до узаконенного совершеннолетия полугодом³².

Определение брачного возраста было непосредственно связано с физическим совершеннолетием, т. е. с достижением половой зрелости. На достигших половой зрелости девушек и юношей начинали смотреть как на потенциальных женихов и невест³³. По-видимому, раннее половое созревание, обусловленное природно-климатическими особенностями рассматриваемого региона, способствовало и более ранним нормам брачного возраста в обычно-правовой традиции. К тому же и церковно-государственное право до 1830 г. определяло более ранние возрастные

брачные границы: для девушек 13 лет, для юношей 15³⁴. Сами крестьяне объясняли раннюю женитьбу причинами экономического и нравственного характера.

К концу XIX в. в связи с введением новых правил воинской повинности брачный возраст мужчин увеличился. С 1874 г. вводилась всеобщая воинская повинность с 21 года на срок от 3 до 6 лет; с этого же возраста полагалось два душевых надела. Поэтому парни вступали в брак «не ранее того времени, когда отбудут очередь или когда кончат военную службу»³⁵.

В возрасте вступающих в брак обычно соблюдалась пропорциональность. Материалы ревизских сказок за 1858—1859 гг. по Рязанской и Тамбовской губерниям свидетельствуют о том, что преобладавшей являлась разница между супругами от 1 до 3 лет³⁶. При этом, как правило, старше оказывался мужчина.

Обращает на себя внимание факт очевидного преобладания в некоторых селах брачных союзов, где женщины старше мужчин. В частности, по результатам обработки ревизских сказок за 1858—1859 гг. в д. Тихвинка Тамбовской губ. количество брачных пар, где жены были старше, составляло 61%, а где старше мужа — 27%; в с. Паревка соответственно 42 и 37%; в остальных случаях муж и жена были ровесниками³⁷. М. Ф. Владимирский-Буданов упоминал, что еще в конце XVIII в. до Синода доходили сведения из Воронежской губ. об обычае у однодворцев женить малолетних сыновей 8—12 лет на 20-летних девушках³⁸. Вероятно, подобное возрастное несоответствие явилось следствием существовавших в прошлом местных традиций у однодворцев. К концу XIX в. подобные браки, когда «жена носила в переднике своего малолетнего супруга», сохранились лишь в рассказах старожилов³⁹.

Что касается определения верхней границы возраста для вступления в брак, то известны лишь законодательные нормы, запрещающие вступать в брак лицам старше 80 лет⁴⁰. Источники не содержат информации о поздних браках среди крестьян, что говорит о редкости подобных случаев.

Помимо рассмотренных возрастных границ крестьянским обычаем регулировалась очередность выдачи замуж дочерей, не отраженная в законодательных нормах, но соблюдаемая на практике. Крестьяне строго придерживались обычая выдавать замуж прежде всего старшую дочь. Для обеспечения заведенного порядка очередности крестьянами предпринимался ряд мер: «младшую дочь... хуже одевают, .. она не носит и „занавесок“, которые полагаются невестам-девушкам, и ходаков», младшую девушку не пускают по воду до выдачи старшей замуж»⁴¹. Соблюдение очередности в выдаче замуж было характерно для русских крестьян в целом.

Одним из условий заключения брака являлось отсутствие родства и свойства между женихом и невестой в определенных обычаем и законом степенях. В этом отношении между нормами обычного и официального права на первый взгляд существенных различий не наблюдалось. Гражданским правом не разрешались браки в степенях родства и свойства, запрещенных церковью, т. е. до 4-й степени включительно⁴². В представлениях крестьян рассматривалось как непозволительное вступление в брак «до 4-го колена»⁴³. Вместе с тем по сравнению с законодательными нормами в обычном праве существовали более жесткие ограничения в отношении духовного родства. Согласно указу Синода от 31 декабря 1837 г. с разрешения епархиальных властей дозволялся брачный союз между восприемником и восприемницей. Крестьяне же приравнивали духовное родство к кровному, поэтому подобные браки, допускаемые церковью, осуждались и считались «греховными»⁴⁴.

Необходимым условием для заключения брачного союза было родительское благословение. При женитьбе сына главное значение имел голос отца, а при выдаче дочери — согласие и одобрение матери невесты⁴⁵. По нормам официального

* Ходаками назывались сапоги: занавеской — длинный передник, иногда с рукавами // *Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1. С. 608; Т. 4. С. 556.*

права также запрещалось вступать в брак без дозволения родителей, опекунов или попечителей. Таким образом, выбор невесты и жениха полностью зависел от воли родителей. По сообщениям из Орловской губ., «мужики часто отдают дочерей, не спрашивая у них, желают ли они выходить за этих мужиков»⁴⁶. Браки без разрешения родителей заключались весьма редко⁴⁷.

Со стороны церковно-государственного законодательства осуществлялись неоднократные попытки ограничения родительской власти и предоставления возможности окончательного решения жениху и невесте. Еще при Петре I был принят закон, согласно которому предписывалось «прежде венчания приводить родителей... к присяге в том, что они не неволей женят сына и выдают дочь замуж»⁴⁸. Собственно, сам обряд венчания в церкви требовал согласия жениха и невесты на брак. Однако на практике, как свидетельствуют источники, и во второй половине XIX в. выбор жениха и невесты зависел от усмотрения родителей.

Одновременно в источниках встречаются указания на то, что к концу XIX в. хотя и не часто, но бывают случаи протеста со стороны молодежи против воли родителей⁴⁹. В таких ситуациях «большинство родителей из жалости и боязни за судьбу детей благословляли и таких из них, которые поступали против их воли»⁵⁰.

К расстройству свадьбы иногда приводили угрозы отказа под венцом со стороны невесты. Отказы от брака просватанных невест накануне свадьбы служили предметом разбирательств на волостных судах. Книги решений волостных судов, хранящиеся в ГАРО, содержат подробные описания таких тяжб. Среди общего числа дел подобного рода большую часть составляют отказы невест. В частности, крестьянин с. Сарай Сапожковского уезда Рязанской губ. Александр Ефимов Жалыбин обратился с жалобой на крестьянина того же села Ивана Филипова Головнина в том, что «он сосватал у Головнина за своего сына дочь Татьяну..., а между тем дочь сказала, что не пойдет замуж за его сына Василия и вовсе замуж не желает, а между тем в тот же день просваталась за крестьянина с. Кривского»⁵¹. Крестьянин с. Борца того же уезда Степан Михайлов Негодяев в ответ на жалобу Алексея Матвеева Попова привел следующее объяснение отказа: «в замужество, хотя он и просватал дочь за сына Попова, но она идти замуж не желает»⁵². Единственный известный нам случай отказа жениха от невесты имел место в д. Кабылинские выселки Ряжского уезда Рязанской губ. и был продиктован тем, что крестьянин Дмитрий Иванов, отец просватанной девушки, якобы «начал говорить многим людям, что он дочь свою не отдаст»⁵³.

Об участвовавших отказах невесты от жениха, свидетельствующих в пользу все большей самостоятельности решений молодых, писал И. Проходцов: «Таких случаев очень много — чуть ли не сотни в каждом уезде Рязанской губернии... в одной Жолобово-Борковской волости Сапожковского уезда с 1863 по 1874 г. 15 случаев»⁵⁴.

Причинами разбирательств на волостных судах при отказе от брака служили иски пострадавшей стороны о компенсации за понесенные убытки на сговоре. «Сговор» или «уговор» представлял собой соглашение между семьями вступающих в брак о времени и условиях заключения брака, свадебных расходах и приданом. Совершался сговор обычно в доме невесты по установленным традицией правилам и сопровождался различными обрядовыми действиями: зажиганием свечи перед иконой, рукобитьем, «пропоем» невесты и пр.⁵⁵ Сговор являлся важнейшим и неотъемлемым элементом предбрачных соглашений и имел юридическую силу в обычном праве, хотя и не регулировался государственным правом.

Допетровское законодательство предусматривало юридические санкции за несоблюдение брачного договора, заключавшиеся в уплате неустойки в случае его нарушения. Подобный договор фиксировался в «рядной» записи, имевшей право официального иска в суде. В 1702 г. рядные записи были отменены, однако в обычно-правовой традиции подобные договоры устойчиво бытовали вплоть до конца XIX в. В отличие от рядных записей брачные договоры заключались

исключительно в устной форме. Отказ от брака после сговора, как уже указывалось, приводил к судебным разбирательствам. При вынесении решения волостной суд соблюдал «общий обычай местных крестьян» и в случае невозможности миролюбивой сделки взыскивал с виновной стороны издержки, сделанные для свадьбы, а также плату «за бесчестье». Сумма таких выплат варьировала от 3 до 15 руб. и подробно расписывалась. Так, например, крестьянином Жалыбиным было употреблено при сговоре вина 1¹/₄ ведра, 1¹/₂ пуда говядины, 2 курицы, 4 фунта кренделей, что оценивалось в 10 руб.⁵⁶

Иногда подобные судебные тяжбы заканчивались без денежного взыскания. Так, крестьянин с. Старое Бокино Рязанской губ. Андрей Кирилов после предъявления жалобы со стороны крестьянина Василия Ефимова на отказ Кирилова от свадьбы признал себя виновным и обратился к нему с просьбой «христианского прощения», после чего Василий Ефимов при силе прекратил судебное разбирательство без последствий⁵⁷.

Таким образом, официальному заключению брака в форме церковного венчания предшествовали предбрачные соглашения, носившие силу закона в обычной практике крестьян. Само по себе венчание как обязательный со стороны церковно-государственного права акт могло не состояться в случае нарушения предсвадебного порядка соглашений. С другой стороны, сговор еще не означал создания брачного союза. К концу XIX в. церковная форма заключения брака прочно закрепилась в крестьянском сознании. В итоге заключение брака представляло собой взаимосвязанное и неразрывное сочетание элементов обычного и официального права.

Неразрывность и вечность брачного союза в крестьянском мировоззрении определяли и взгляды крестьян на прекращение брака. Брачный союз прекращался по закону обычному и гражданскому в случае смерти одного из супругов или развода. Вдовцы оставались одинокими в редких случаях: «вдовствовали исключительно старики, всех же остальных заставляли вступать в новый брак — одних молодость, других экономическое и семейное положение»⁵⁸.

Вторичный брак мог заключаться не ранее чем спустя год после смерти супруга или супруги, в крайнем случае по прошествии полугода⁵⁹. В отношении солдатских вдов с 1812 г. действовало официальное постановление, согласно которому вдова не могла вторично выйти замуж без получения от инспекторской военной коллегии паспорта, удостоверяющего смерть ее первого мужа.

Церковно-государственное право с 1805 г. допускало возможность развода по ряду причин и выработало общий порядок развода: бракоразводные дела осуществлялись Синодом или спархиальными властями. Таких «законных» или «формальных» разводов у крестьян в литературе не зафиксировано⁶⁰. По обычному праву разводы у крестьян производились при вмешательстве сельского схода. В подобных случаях супругам запрещалось вступать в новый официальный союз, освященный церковью, хотя они имели право жить раздельно. Развод разрешался обществом только один раз⁶¹. Сельский сход вмешивался в такие дела еще и в том случае, когда муж обращался к обществу с целью возвращения ушедшей жены⁶². Супруги, жившие раздельно, какими бы причинами это ни было вызвано, не пользовались сочувствием со стороны крестьянского общества, к таким крестьянам относились с порицанием⁶³.

Добровольное прекращение брачного союза с согласия обеих сторон было исключением⁶⁴. Более частыми были уходы от жен, нежели от мужей, чему способствовало, видимо, развитие отхожих заработков. Мужьям, бросившим на произвол судьбы жен, по просьбе последних местная администрация приостанавливала выдачу паспортов. По сообщению из Скопинского уезда Рязанской губ., этим правом «за последнее время жены стали пользоваться широко»⁶⁵.

История законодательных норм в отношении возможности разводов представляет собой последовательное принятие мер к сохранению брачного союза⁶⁶. Официальное право признавало основанием для развода пострижение в монашество одного из супругов, отсутствие одного из супругов в течение 5 или

10 лет (в случае пленения), неспособность мужа к супружеской жизни (если сам неспособный подавал о том заявление), прелюбодеяние⁶⁷.

Источники указывают на следующие причины разводов у крестьян в повседневной практике. Они возможны при: 1) разладе в семейной жизни, несогласии между супругами; 2) переходе одного из супругов в секту раскольников; 3) неспособности мужа выполнять супружеские обязанности; 4) бесплодии жены; 5) неспособности жены к выполнению хозяйственных работ; 6) частых отлучках мужа или его длительном отсутствии⁶⁸.

Прелюбодеяние в обычном праве в отличие от церковно-государственного права не признавалось основанием для развода. Хотя оно и считалось «грехом», неверность одного из супругов была довольно частым явлением⁶⁹. Как правило, подобное случалось в отсутствие мужа (если он отправлялся на заработки или уходил в солдаты). По некоторым сообщениям, «нередко даже свекрови содействовали любовным похождениям своих невесток, если только сын находится где-либо в отлучке. Бывали случаи, что сын уйдет в солдаты, а к его молодой жене с согласия ее свекрови начнет ходить за условленную плату какой-либо приказчик из кабака по ночам или приезжий какой торговец»⁷⁰. Встречаются даже указания на то, что «некоторые крестьяне... почетным гостям под выпивкой предлагают своих жен, солдаток и даже сестер»⁷¹. Подобные явления наблюдались обычно в селах, где «почти все живут на стороне, так как у них слишком мало земли»⁷². Существование внебрачных связей скрывалось и при обнаружении наказывалось «своим судом»⁷³. К концу XIX в. разводы среди крестьян участились. Орловские корреспонденты сообщали, что «теперь и в деревне много примеров, что мужчины и женщины живут врозь»⁷⁴.

Подводя итоги, необходимо отметить следующее. Обычно-правовые нормы крестьян южнорусских губерний в общих чертах близки к традициям русских крестьян во всех губерниях России. Некоторая специфика прослеживается в определении брачного возраста, в предбрачных установках, в порядке прекращения брака. В функционировании брачных традиций во второй половине XIX в. очевиден приоритет обычая над законом, что является показателем устойчивости, приспособляемости местных обычных традиций к изменяющимся условиям реформенного развития России. Вопрос об устойчивости обычно-правовых норм и их соотношения с законом органически связан с проблемой общины. Поэтому привлечение новых материалов не только по брачным традициям, но и по семейным и общинным связям с целью выявления действующего, а не писаного права представляется одним из наиболее плодотворных подходов к решению проблемы сохранности неразделенной семьи и общины во второй половине XIX в.

Примечания

¹ Подробный историографический обзор см.: *Александров В. А.* Обычное право крепостной деревни России. XVIII — нач. XIX в. М., 1984.

² *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. СПб., 1905; *Победоносцев К. П.* Курс гражданского права. СПб., 1871. Ч. 2; *Добровольский В. И.* Брак и развод. Очерк по русскому брачному праву. СПб., 1903; *Самокасов Д. Л.* История русского права. Варшава, 1878. Т. 1. В. 1; *Тютрюмов И. М.* Гражданское право. Юрьев, 1922; *Бердников И. С.* Краткий курс церковного права православной церкви. Казань, 1913. В. 2; *Загоровский А. И.* Курс семейного права. Одесса, 1902; *Григорьевский С. П.* Сборник церковных и гражданских законов о браке и разводе и судопроизводство по делам брачным. СПб., 1896; *Суворов Н. С.* Гражданский брак. СПб., 1896.

³ *Лозина-Лозинский М. А.* Крестьянское право//Вестник права. 1899. № 2; *Леонтьев А. А.* Крестьянское право. СПб., 1914; *Качоровский К.* Народное право. М., 1906; *Тютрюмов И. М.* Крестьянская семья//Русская Речь. 1879. № 4, 7, 9; *Ефименко А. Я.* Исследования крестьянской жизни. М., 1884. В. 1; *Гахман С. В.* Обычное гражданское право в России. СПб., 1879. Т. 1—2.

⁴ *Павлов А. С.* 50-я глава Кормчей книги как исторический и практический источник русского брачного права. М., 1887. С. 121.

⁵ *Смирнов А. Г.* Народные способы заключения брака. М., 1878; *его же.* Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа. М., 1877; *Григорьевский С. П.* О родстве и свойстве. СПб., 1894; *Проходцов И.* Предбрачные обычаи и убытки в Рязанской губернии//Труды Рязанской ученой археографической комиссии. Рязань, 1892. Т. 7; *Звонков А. П.* Современные брак и свадьба

среди крестьян Тамбовской губ. Елатомского уезда // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. М., 1889. В. 1.

⁶ Александров В. А. Указ раб.

⁷ Русские: семейный и общественный быт. М., 1989; *Жирнова Г. В.* Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем. М., 1980; *Алохина Л. А., Шмелева М. Н.* Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. М., 1977; Этнография русского крестьянства Сибири (XVII — сер. XIX в.). М., 1981; *Бернштам Т. А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — нач. XX в. Л., 1988; *Бусыгин Е. П., Зорин Н. В., Михайличенко Е. В.* Общественный и семейный быт русского населения Среднего Поволжья. Казань, 1873; На путях из Земли Пермской в Сибирь // Очерки этнографии североуральского крестьянства XVII—XX вв. М., 1989; *Миленко Н. А.* Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII — перв. пол. XIX в.). М., 1979.

⁸ *Харчев А. Г.* Брак и семья в СССР. М., 1979; *Вишневецкий А. Г.* Воспроизводство населения и общество. М., 1982; *Волков А. Г.* Семья — объект демографии. М., 1986.

⁹ *Леонтьев А. А.* Программа для собрания сведений об обычном праве крестьян. СПб., 1899; Программа для собрания этнографических сведений. СПб., 1847; *Харузин М. Н.* Программа для собрания сведений об юридических обычаях. М., 1887; *Тенишев В. Н.* Программа этнографических сведений о крестьянах Центральной России. Смоленск, 1898.

¹⁰ Полный свод законов Российской империи. Свод законов гражданских. СПб., 1903. Т. 10. Ч. 1.

¹¹ Гос. музей этнографии народов СССР (далее — ГМЭ). Ф. 7. Оп. 1. Д. 1464. С. 8.

¹² ГМЭ. Там же; *Кузнецов Я.* Семейное и имущественное право в народных пословицах и поговорках. СПб., 1910. С. 5.

¹³ ГМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1464. С. 9.

¹⁴ *Тихонов Б. В.* Переселения в России во второй половине XIX в. М., 1978.

¹⁵ ГМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1097. С. 23.

¹⁶ Там же. Д. 1464. С. 17.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 9.

¹⁹ Там же. Д. 977. С. 5.

²⁰ Там же. Д. 1464. С. 4.

²¹ Там же. С. 16.

²² Там же. Д. 977. С. 5.

²³ Там же. Д. 1465; С. 39; Д. 915. С. 14; Д. 1464. С. 28; Д. 907. С. 7; Д. 915. С. 14.

²⁴ Там же. Д. 1464. С. 2—3.

²⁵ Там же. Д. 915. С. 12.

²⁶ Гос. Архив Рязанской области (далее ГАРО). Ф. 545. Оп. 1, Д. 3. С. 36—37.

²⁷ ГМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1452. С. 2.

²⁸ Там же. С. 3.

²⁹ Полный свод законов..., Т. X. Ч. 1. Ст. 3; *Владимирский-Буданов М. Ф.* Указ. раб. С. 430.

³⁰ ГМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 977. С. 3.

³¹ Там же. Д. 1464. С. 10—11.

³² Законы гражданские. СПб., 1905. Т. 1. С. 2.

³³ ГМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1464. С. 2.

³⁴ *Владимирский-Буданов М. Ф.* Указ раб. С. 429.

³⁵ ГМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1452. С. 4

³⁶ ГАРО. Ф. 129. Оп. 54. Д. 120, 130; Государственный архив Тамбовской обл. (далее — ГАТО). Ф. 12. Оп. 1. Д. 1932. С. 2008.

³⁷ ГАТО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1932. С. 1—610.

³⁸ *Владимирский-Буданов М. Ф.* Указ. раб. С. 431.

³⁹ *Звонок А. П.* Указ раб. С. 83—84.

⁴⁰ Полный свод законов... Т. X. Ч. 1. Ст. 4.

⁴¹ ГМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1464. С. 10; Д. 1465. С. 10; Д. 977. С. 5.

⁴² Полный свод законов..., Т. X. Ч. 1. Ст. 23.

⁴³ ГМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1450. С. 17; Д. 1464. С. 16.

⁴⁴ Там же. Д. 1464. С. 16.

⁴⁵ Там же. Д. 1464. С. 12.

⁴⁶ Там же. Д. 1176. С. 5, 13.

⁴⁷ Там же. Д. 1452. С. 5.

⁴⁸ *Владимирский-Буданов М. Ф.* Указ. раб. С. 434.

⁴⁹ ГМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1464. С. 10.

⁵⁰ Там же. С. 11.

⁵¹ ГАРО. Ф. 545. Оп. 1. Д. 2. С. 19—20.

⁵² ГАРО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 4. С. 3.

⁵³ ГАРО. Ф. 441. Оп. 1. Д. 2. С. 18—19.

⁵⁴ *Проходцов И.* Указ. раб. С. 102.

⁵⁵ Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник. Научный архив. № 513. Кн. 6. № 140.

⁵⁶ ГАРО. Ф. 545. Оп. 1. Д. 2. С. 19—20.

⁵⁷ ГАРО. Ф. 441. Оп. 1. Д. 1. С. 2.

⁵⁸ ГМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1464. С. 32.

⁵⁹ Там же. Д. 913. С. 11; Д. 1452. С. 17.

- 60 Там же. Д. 1465. С. 36; Д. 1108. С. 27; Д. 1176. С. 14.
 61 Там же. Д. 1108. С. 27—28.
 62 Там же. Д. 1176. С. 14.
 63 Там же. Д. 1452. С. 20.
 64 Там же. Д. 1465. С. 34; Д. 947. С. 4.
 65 Там же. Д. 1464. С. 43.
 66 *Владимирский-Буданов М. Ф. Указ. раб.*
 67 *Владимирский-Буданов М. Ф. Указ. раб. С. 446—450.*
 68 ГМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1176. С. 13; Д. 947. С. 4; Д. 1465. С. 37; Д. 146.
 69 Там же. Д. 977. С. 16; Д. 947. С. 4.
 70 Там же. Д. 977. С. 16.
 71 Там же. Д. 947. С. 6; Д. 915. С. 14.
 72 Там же. Д. 915. С. 14.
 73 Там же. Д. 915. С. 14.
 74 Там же. Д. 1108. С. 15.

Matrimonial Peasant Traditions in South Russia Provinces in the late 19th century

The article contains a description of peasant matrimonial traditions, based on archival data. The author compares some aspects of matrimonial institutions, like the folk concept of marriage, marriage preconditions, pre-marriage agreement, modes of marriage and break of marriage. It is stressed out the correlation between marriage sanctioned by the church and the peasant traditions. A conclusion about stability of the peasant marriage tradition and its adaptability to the development of Russia in the 2nd half of the 19th century is made.

S. S. Kryukova

© 1992 г., ЭО, № 4

Н. А. Та д и н а

ФОРМЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ БРАКА И РИТУАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ У ЮЖНЫХ АЛТАЙЦЕВ (вторая половина XIX — начало XX в.)

Исследование традиций каждого народа приобрело в наши дни особое значение, поскольку очень возрос интерес к проблемам экологии культуры. Церемониал заключения брака у алтайцев в его современном виде — это результат взаимодействия большого количества стадийно различных, разнохарактерных компонентов, каждый из которых имеет свои закономерности: генетические, функциональные и т. д. В этом смысле в традиционной свадьбе отражена эволюция семейно-брачных отношений (структура семьи, формы заключения брака). В ней сохранились многочисленные пережитки более ранних форм семейного и общественного быта, отголоски древних обрядов и обычаев. Именно обрядовая жизнь наиболее полно отражает важнейшие этапы деятельности людей, их социально-правовые отношения, морально-этические взгляды.

Предлагаемая статья посвящена алтайцам — одному из тюркоязычных народов Южной Сибири. Этнические группы с самоназванием «алтай-кижи», живущие в Шебалинском, Онгудайском, Усть-Канском и Усть-Коксинском районах, и «теленгит» — в Кош-Агачском и Улаганском районах Республики Горный Алтай представляют собственно алтайцев или в этнографическом отношении южных алтайцев.